

Научная статья

УДК 343.985

EDN EYTELH

DOI 10.17150/2411-6122.2025.3.19-29

Полномочия прокурора по изменению подследственности: основания для передачи уголовных дел из дознания в следствие

А.С. Бадмаев

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,
sasha.badmaev.00@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены полномочия прокурора по определению подследственности уголовных дел и особенности их законодательного регулирования. Центральное место в исследовании занимает анализ полномочия по изъятию уголовного дела из производства дознавателя и его передачи в ведение следователя. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим при расследовании преступлений в информационной пространстве, когда первоначальная форма расследования в виде производства дознания требует оперативной корректировки в связи с выявлением признаков тяжких составов преступлений. Исследуются условия правомерности передачи дел и критерии, которыми должен руководствоваться прокурор при принятии соответствующего решения. Автор рассматривает возможные основания для такой передачи, предпринимая попытку их систематизации. Подчеркивается координирующая функция прокурора, особенно значимая при производстве дознания, где прокурорский надзор выступает ключевым гарантом соблюдения процессуальных норм и защиты прав участников уголовного судопроизводства. Автор обосновывает необходимость гибкого механизма изменения подследственности как инструмента противодействия современным угрозам и приходит к выводу, что активная роль прокурора способствует оптимизации предварительного расследования.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, прокурор, полномочия, подследственность, дознание, предварительное следствие.

Для цитирования: Бадмаев А.С. Полномочия прокурора по изменению подследственности: основания для передачи уголовных дел из дознания в следствие / А.С. Бадмаев. — DOI 10.17150/2411-6122.2025.3.19-29. — EDN EYTELH // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2025. — № 3. — С. 19–29.

Original article

Prosecutorial Authority to Change Investigative Jurisdiction: Grounds for Transferring Criminal Cases from Inquiry to Preliminary Investigation

A.S. Badmaev

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, sasha.badmaev.00@mail.ru

Abstract. The author examines the authority of the prosecutor to determine the investigative jurisdiction of criminal cases and the specifics of its legal regulation. At the core of this research is the analysis of the power to remove a criminal case from an inquirer and transfer it to the responsibility of an investigator. Special

attention is paid to the problems emerging in the investigation of crimes in the information space when the initial investigation, carried out as an inquiry, requires a rapid adjustment due to the identification of features of grave crimes. The author examined the conditions for the legitimacy of transferring cases and the criteria guiding the prosecutor in making a corresponding decision. The author also studies the possible grounds for such a transfer and makes an attempt to systematize them. The coordinating role of the prosecutor is stressed, which is especially relevant during an inquiry where the prosecutor's supervision acts as a key guarantee of the observance of procedural norms and the protection of the rights of criminal proceedings' participants. The author proves that it is necessary to have a flexible mechanism of changing the investigative jurisdiction as an instrument of counteracting the modern threats and comes to the conclusion that an active role of the prosecutor contributes to the optimization of the preliminary investigation.

Keywords: criminal proceedings, prosecutor, powers, investigative jurisdiction, inquiry, preliminary investigation.

For citation: Badmaev A.S. Prosecutorial Authority to Change Investigative Jurisdiction: Grounds for Transferring Criminal Cases from Inquiry to Preliminary Investigation. *Sibirskie Ugolovno-Proцессуаль'nye i Kriminalisticheskie Чteniya* = *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2025, no 3, pp. 19–29. (In Russian). EDN: EYTELH. DOI: 10.17150/2411-6122.2025.3.19-29.

В рамках уголовного судопроизводства институт подследственности выступает ключевым системообразующим элементом, обеспечивающим рациональное распределение уголовных дел между следственными органами. Его правовое регулирование, закрепленное в положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее — УПК РФ), устанавливает компетенцию органов предварительного расследования в зависимости от категории преступления, субъекта преступления и иных значимых факторов.

Важность рассматриваемого института обусловлена не только его функциональной значимостью в организации предварительного расследования, но и непосредственным влиянием на соблюдение прав участников уголовного судопроизводства, легитимность уголовного преследования и общую эффективность системы правосудия.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон 18 дек. 2001 № 174 (ред. от 21 апр. 2025 г.) // Российская газета. 2001. № 249.

Подследственность как процессуальный институт устанавливает границы полномочий следственных органов, исключая возможность дублирования их деятельности. Данный механизм способствует рациональному использованию ресурсов различных ведомств, что, в свою очередь, повышает качество, оперативность и результативность расследования. Указанные факторы создают условия для всестороннего, полного и объективного расследования каждого уголовного дела. [1, с. 25]. Кроме того, данный институт минимизирует риски возникновения споров между правоохранными структурами и создает правовую определенность как для граждан, так и для самих органов предварительного расследования преступлений.

Ведомственная подследственность в российской правовой системе традиционно определяется посредством предметного (квалификационного) признака, что предполагает необходимость точного установления юридической природы совершенного деяния в соответствии с нормами Особенной части Уголовного кодекса Российской

Федерации² (далее — УК РФ). Данный подход нашел свое отражение в детализированных положениях УПК РФ, содержащих многочисленные нормативные отсылки к конкретным статьям уголовного закона.

Подобная законодательная техника, основанная на бланкетных нормах и межотраслевых отсылках, не лишена существенных недостатков. Как справедливо отмечает С.Б. Россинский, подобный метод правового регулирования создает сложности в правоприменительной практике и избыточные трудности для законодателя [2, с. 75]. В частности, это выражается в необходимости точной квалификации деяния уже на первоначальном этапе досудебного производства — при проверке сообщения о преступлении, когда следственные органы зачастую располагают лишь фрагментарной и непроверенной информацией.

В этой связи следует уделить внимание полномочиям прокурора по определению подследственности уголовных дел. Функции прокурора на досудебных стадиях сводятся преимущественно к надзору за соблюдением законности, без прямого управления ходом расследования, что является воплощением концепции процессуальной самостоятельности следователя и прокурорского надзора [3, с. 98]. Однако данный подход не исключает значительной координирующей роли прокурора в уголовном судопроизводстве, поскольку именно на прокурора возложена критически важная обязанность по координации деятельности органов внутренних дел, федеральной службы безопасности, таможенной службы и других правоохранительных органов

по борьбе с преступностью, что нашло закрепление в ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации»³.

Согласно действующей редакции УПК РФ, прокурор наделен комплексом дискреционных полномочий по регулированию вопросов подследственности, которые можно классифицировать по следующим направлениям:

1. Полномочия по изменению формы расследования:

– изымать уголовное дело из органа дознания и передавать его следователю (п. 11 ч. 2 ст. 37 и ч. 4 ст. 150 УПК РФ);

– передавать по своему письменному указанию для производства дознания некоторые уголовные дела, по которым обязательно производство предварительного следствия (п. 2 ч. 3 ст. 150 УПК РФ);

2. Полномочия по перераспределению дел между органами расследования:

– передавать уголовное дело из одного следственного органа в другой с соблюдением правил подследственности, установленных ст. 151 УПК РФ (п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

3. Полномочия в отношении Следственного комитета Российской Федерации (далее — СК РФ):

– передавать любое уголовное дело следователю СК РФ (данное полномочие вытекает из совокупного анализа положений ч. 4 ст. 150 и п. 12 ст. 37 УПК РФ);

4. Юрисдикционные полномочия:

– разрешение коллизий и споров о подследственности (ч. 8 ст. 151 УПК РФ).

Таким образом, как обоснованно указывает И.С. Дикарев, эти полномочия свидетельствуют о наличии у СК РФ

² Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 № 63 (ред. от 21 апр. 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ О прокуратуре Российской Федерации : Федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 (ред. от 30 сент. 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

«исключительной подследственности» [4, с. 51]. Данный термин подразумевает под собой не стандартное распределение уголовных дел между органами следствия в соответствии с их юрисдикцией, а специальное правомочие следователей СК РФ принимать к производству любое уголовное дело, независимо от предметной или территориальной подследственности. Реализация этого правомочия возможна исключительно при наличии санкции прокурора, именно он уполномочен выносить процессуальное решение о передаче дела следователю СК РФ, даже если это противоречит общим правилам, закрепленным в ст. 151 УПК РФ.

Прокурорский надзор выступает обязательным условием применения исключительных полномочий следователей СК РФ в обход стандартных норм подследственности. Однако у прокурора отсутствуют полномочия по изъятию уголовного дела из производства следователя СК РФ и передаче его в другой следственный орган (за исключением случаев нарушения следователем правил подследственности), что нельзя признать в полной мере обоснованным [5, с. 105].

Этот правовой пробел становится особенно заметным в контексте дуалистической модели предварительного расследования, закреплённой в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Данная модель, основанная на разделении дознания и предварительного следствия, имеет фундаментальное значение для определения подследственности уголовных дел, распределения компетенции между следователями и дознавателями, а также обеспечения процессуальной чистоты следственных действий и допустимости получаемых доказательств.

Анализ нормативных положений УПК РФ позволяет констатировать су-

щественную дифференциацию в характере прокурорских полномочий в отношении дознавателя и следователя. В отличие от относительно ограниченных надзорных функций при производстве предварительного следствия, полномочия прокурора в отношении дознавателя носят выраженный руководящий характер, что некоторые исследователи называют «опосредованным уголовным преследованием в форме процессуального руководства» [6, с. 114].

В УПК РФ содержится перечень конкретных составов преступлений, закрепленных в статьях УК РФ, по которым производится дознание. Данный перечень является открытым, что обусловлено диспозитивным характером п. 2 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, допускающий производство дознания по иным составам преступлений небольшой и средней тяжести. Реализация данного правомочия поставлена в зависимость от индивидуального прокурорского усмотрения, требующего обязательного процессуального оформления посредством вынесения мотивированного письменного указания.

Особого внимания заслуживает симметричность данной правовой конструкции: аналогичного оформления требует и предусмотренное ч. 4 ст. 150 УПК РФ решение прокурора по обратной трансформации формы расследования — передачи дел из подследственности органов дознания в производство следственных органов. Передать уголовное дело из дознания в следствие прокурор вправе на любой досудебной стадии уголовного процесса, в том числе при вынесении обвинительного акта, что отражено в п. 4 ч. 1 ст. 226 УПК РФ.

Анализ указанных положений закона позволяет сделать вывод о том, что по делам, указанным в ч. 3 ст. 150 УПК РФ, производство предварительного

расследования может осуществляться как в форме дознания, так и в форме предварительного следствия — в случае соответствующего решения прокурора.

Полномочие прокурора по изъятию любого уголовного дела у органа дознания и его передачи следователю в соответствии с п. 11 ч. 2 ст. 37 УПК РФ представляет собой одну из процессуальных форм проявления функции прокурора по восстановлению законности, которая применяется им в случае выявления нарушений законодательства [7, с. 121].

Особенность данного полномочия заключается в его двойственной природе: с одной стороны, оно направлено на устранение нарушений, с другой — служит средством перераспределения подследственности при изменении обстоятельств дела. При этом применение этой меры должно быть всегда обосновано конкретными нарушениями или процессуальной необходимостью и не может использоваться произвольно.

Основания, наличие которых необходимо для законной реализации данного полномочия, прямо в законе не конкретизированы, что создает широкое поле для прокурорского усмотрения. Однако анализ норм УПК РФ, ведомственных актов и судебной практики позволяет выделить возможные основания.

Так, Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 19 января 2022 № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания»⁴, как и УПК РФ, не дает подробного разъяснения, что необходимо понимать под термином «достаточные основания»,

но прямо указывает, что реализация данного полномочия возможна исключительно при их наличии.

В Указаниях Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 19 декабря 2011 № 433/49 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел»⁵ конкретизируются процессуальные полномочия прокурора в контексте ст. 37 УПК РФ. В частности, на прокуроров возложена обязанность по исключению из практики фактов необоснованного изъятия и немотивированной передачи в порядке п. 11 ч. 2 ст. 37 УПК РФ органам предварительного следствия уголовных дел о преступлениях, отнесенных законом к подследственности органов дознания. Также в документе детализированы основания правомерной передачи дел: особая сложность дела; наличие данных свидетельствующих о высокой общественной значимости исследуемых в ходе расследования фактов; систематические существенные нарушения уголовно-процессуальных норм (п. 1.4 и 1.5 Указаний).

В судебной практике встречаются случаи обжалования исследуемых действий прокурора. В подавляющем большинстве случаев, судом не поддерживаются доводы стороны защиты о нарушении требований УПК РФ и произвольном определении подследственности уголовного дела.

Так, как следует из Апелляционного определения Омского областного суда по делу № 22-19/2020, суд отклонил доводы защиты о нарушении порядка передачи уголовного дела по

⁴ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 19 янв. 2022 № 11 (ред. от 22 февр. 2023) // СПС «Консультант Плюс».

⁵ Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел : Указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 19 дек. 2011 № 433/49 // СПС «Консультант Плюс».

подследственности. Заместитель прокурора Павлоградского района изъял уголовное дело возбужденное по ст. 322 УК РФ из производства органа дознания (Пограничное управление УФСБ) и направил его в СО ОМВД для осуществления предварительного следствия. Суд указал, что в действиях фигуранта усматривались признаки состава преступления предусмотренного ч. 1 ст. 322¹ УК РФ, а длительность производства дознания превысила 5 месяцев, что в совокупности требовало передачи дела в следственный отдел «в целях эффективного, всестороннего и полного расследования»⁶.

Таким образом, суд пришел к выводу об отсутствии нарушений правил подследственности, а действия прокурора признаны законными и основанными на положениях п. 12 ч. 2 ст. 37 и ч. 4 ст. 150 УПК РФ. Основанием для изъятия и передачи дела являлось длительность производства дознания и переквалификация деяния на статью УК РФ с более строгой санкцией.

Примечательно, что первоначально инкриминируемый состав (ст. 322 УК РФ) как и ч. 1 ст. 322¹ УК РФ, согласно ч. 3 ст. 150 и п. 3 ч. 3 ст. 151 УПК РФ относился к подследственности пограничных органов федеральной службы безопасности. Однако окончательная квалификация, как отмечено в судебном акте, была произведена по ч. 2 ст. 322¹ УК РФ, что однозначно относит данное преступление к компетенции следователей органов внутренних дел подтверждая обоснованность процессуального решения прокурора о передаче дела.

⁶ Дело № 22-19/2020 : Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 16 янв. 2020 г. // Банк судебной практики. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/312270240> (дата обращения 09.03.2025).

На основании изложенного можно сделать вывод, что одной из основных причин изъятия прокурором уголовного дела у органа дознания с последующей передачей следователю выступает истечение установленных законом процессуальных сроков для производства дознания.

Продление сроков дознания свыше базовых 30 суток на дополнительные 30 суток производится прокурором по необходимости (ч. 3 ст. 223 УПК РФ), но дальнейшее увеличение срока расследования строго регламентировано законодателем, которым предусмотрено наличие необходимых оснований: до 6 месяцев (прокурором района или города) — при проведении судебной экспертизы (ч. 4 ст. 223 УПК РФ); до 12 месяцев (прокурором субъекта РФ) — только при исполнении запросов о международной правовой помощи (ч. 5 ст. 223 УПК РФ).

Если расследование не завершено в отведенные 60 суток, а законные основания для дальнейшего продления отсутствуют, прокурор вынужден прибегнуть к единственному законному механизму продолжения уголовного преследования — изъятию уголовного дела у органа дознания и передаче его следователю [8, с. 186]. Данная мера обеспечивает продолжение предварительного расследования с соблюдением процессуальных гарантий и обусловлена необходимостью соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства.

В случае возникшей необходимости переквалификации совершенного преступления либо сложности расследуемого дела, что противоречит сущности дознания, прокурор использует аналогичную меру прокурорского реагирования — передает уголовное дело от дознавателя к следователю. Подобная процессуальная мера становится необ-

ходимой в ситуации, когда в процессе дознания устанавливаются факты свидетельствующие о более высокой тяжести совершенного деяния. В данном случае требуется не только переквалификация преступления в соответствии с уголовным законом, но и изменение формы предварительного расследования в силу требований, установленных законодателем относительно подследственности уголовных дел.

Рассмотрим применение указанного основания на примере из сферы информационной безопасности. Современная криминогенная ситуация характеризуется ростом числа киберпреступлений и постоянным совершенствованием способов их совершения, что неоднократно подтверждалось многочисленными научными исследованиями [9; 10]. Среди наиболее опасных проявлений следует выделить: целенаправленные атаки на критическую информационную инфраструктуру: распространение вредоносного ПО; утечки персональных данных и использование фишинговых схем; мошеннические действия, совершенные с использованием электронных средств платежа [11, с. 46].

В этом контексте особое значение приобретает координация между органами дознания, следствия и прокуратуры, поскольку киберпреступления требуют специальных познаний и оперативного реагирования для сохранения доказательств хранящихся в виде электронных документов. Так, например, при производстве дознания по мошенничеству в сфере компьютерной информации (ч. 1 ст. 159⁶ УК РФ), изначально относящегося к подследственности органов дознания, может быть выявлен факт взлома информационной базы данных и получения неправомерного доступа к охраняемой законом информации (ст. 272 УК РФ). В подобных

случаях возникает комплекс процессуальных задач, решение которых предполагает оперативное реагирование прокурора: срочная оценка характера и степени общественной опасности выявленных действий; определение соответствия формы расследования новым обстоятельствам дела; принятие прокурором обоснованного решения либо о передаче материалов в следственные органы (при установлении квалифицирующих признаков преступления, относящегося к категории тяжких или особо тяжких), либо о сохранении производства в форме дознания (при подтверждении признаков преступления средней тяжести). Своевременное решение указанных задач позволит устранить возможные нарушения процессуальных правил, обеспечит непрерывность расследования и соблюдение гарантий прав участников судопроизводства.

При принятии прокурором решения о передаче уголовного дела, связанного с нарушением информационной безопасности, от дознавателя следователю органов внутренних дел или СК РФ, эффективность механизма этого процессуального действия зависит от ряда факторов: профессиональной подготовки дознавателей и прокуроров в IT-сфере, что позволяет на ранних стадиях расследования выявить признаки информационного преступления и необходимости обращения к правилам определения подследственности; должного уровня межведомственной координации, которая крайне необходима для оперативного разрешения ситуации, препятствующей дальнейшему расследованию при применении изначальной формы предварительного расследования; оперативности передачи материалов из дознания в следствие, что связано с возможностью утраты цифровых следов преступления.

В процессе осуществления предварительного следствия не исключено выявление юридически значимых обстоятельств, способных повлечь трансформацию квалификации инкриминируемого деяния. В частности, подобная ситуация может возникнуть при установлении фактического отсутствия предусмотренных законом квалифицирующих признаков состава преступления, наличие которых позволяло определить подследственность преступления органам предварительного следствия. В данном контексте возникает объективная необходимость изменения предметной подследственности с последующей передачей уголовного дела в производство дознавателя. Следует отметить, что УПК РФ не содержит прямых нормативных предписаний, регламентирующих процедуру подобной передачи. Некоторые авторы придерживаются мнения о необходимости применения аналогичного порядка передачи по подследственности через прокурора с принятием решения следователем, в производстве которого находится уголовное дело, по согласованию с руководителем следственного органа [12, с. 51].

В этой связи следует отметить, что в УПК РФ не содержится нормы, допускающей применение аналогии закона в уголовном процессе, а также то, что при производстве дознания должны строго соблюдаться ограниченные сроки расследования, которые исчисляются с момента возбуждения уголовного дела и могут быть уже исчерпанными еще до момента передачи уголовного дела дознавателю. На наш взгляд, отсутствие законодательного регулирования обратного порядка передачи уголовного дела, т.е. от следователя к дознавателю, свидетельствует не о пробеле в законе, а о невозможности реализации такого

процессуального решения без нарушения иных норм, регулирующих порядок производства предварительного расследования.

Таким образом, представляется возможным сформулировать ряд оснований для изъятия уголовного дела у дознавателя и передачи его следователю разделенные на две основные категории:

1. Основания связанные с характером дела:

- усложнение обстоятельств дела (появление новых эпизодов, соучастников, необходимость проведения сложных экспертиз);

- переквалификация деяния на состав преступления, предусматривающий более строгую санкцию, при условии его подследственности следователю в соответствии со ст. 151 УПК РФ;

- установление признаков преступления, относящегося к исключительной подследственности следственных органов (например, ст. 105 УК РФ).

- наличие данных свидетельствующих об особой общественной значимости фактов, которые затрагиваются по мере осуществления расследования;

2. Основания обоснованные необходимостью устранения процессуальных нарушений:

- невозможность продления сроков дознания в виду отсутствия необходимых оснований (ч. 4, 5, 6 ст. 223 УПК РФ);

- ненадлежащее качество расследования, неоднократные существенные нарушения закона дознавателем, выявленные прокурором в ходе надзора;

- неисполнение дознавателем указаний прокурора по устранению нарушений.

Многие из перечисленных оснований для реализации полномочий прокурора по изменению подследственности, носят оценочный характер. С одной стороны, это обеспечивает гибкость

прокурорского реагирования, с другой, создаёт риски субъективного толкования. Отсутствие четких критериев в законе приводит к возрастающей роли субъективного усмотрения прокурора.

Уголовно-процессуальные нормы о подследственности выступают гарантией обеспечения законности уголовного судопроизводства и эффективности осуществления предварительного расследования, как в форме дознания, так и в форме предварительного следствия.

Некорректное распределение дел, в частности поручение производства предварительного расследования сложного преступления, связанного с цифровыми технологиями и информационной безопасностью, следственному органу, не обладающему должным уровнем подготовки в этой области, может повлечь за собой нарушение процессуальных сроков, ошибки в квалификации деяния и к признанию доказательств недопустимыми. В связи

с этим, гибкий механизм изменения подследственности приобретает особое значение, способствуя оперативному и эффективному противодействию современным вызовам в сфере уголовного преследования.

Ключевую роль в обеспечении законности и целесообразности распределения дел играет прокурор, обладающий широкими дискреционными полномочиями. Его координационная функция особенно важна при осуществлении дознания, поскольку именно прокурор обеспечивает соблюдение процессуальных норм, контролирует обоснованность следственных действий и минимизирует риски нарушения прав участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, особая роль прокурора заключается не только в надзоре за законностью, но и в оптимизации предварительного расследования, что, в конечном итоге способствует достижению целей уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы

1. Ковалевская Н.В. Соблюдение правил подследственности уголовных дел / Н.В. Ковалевская. — EDN SEWKCD // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2014. — № 3 (164). — С. 24–28.
2. Россинский С.Б. Подследственность уголовного дела: общее условие предварительного расследования или совокупность организационно-управленческих правил? / С.Б. Россинский. — DOI 10.31857/S102694520025181-0. — EDN OPTYXP // Государство и право. — 2023. — № 10. — С. 71–78.
3. Левченко О.В. Верховенство прокурора в уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности / О.В. Левченко. — DOI 10.17150/2411-6122.2023.1.97-106. — EDN OLFFMC // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2023. — № 1. — С. 97–106.
4. Дикарев И.С. Подследственность в уголовном процессе: вопросы теории и законодательной регламентации / И.С. Дикарев. — DOI 10.12737/jrl.2020.046. — EDN TQSJSJ // Журнал российского права. — 2020. — № 4. — С. 113–125.
5. Гриценко Д.В. Актуальные проблемы определения прокурором подследственности уголовных дел / Д.В. Гриценко. — DOI 10.17308/vsu.proc.law.2021.4/3696. — EDN OPVCDY // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2021. — №4 (47). — С. 103–109.
6. Митькова Ю.С. Функциональные аспекты деятельности прокурора при производстве предварительного расследования в форме дознания / Ю.С. Митькова. — EDN TBWHJB // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2017. — № 3(42). — С. 111–115.
7. Тугутов Б.А. Конституционно-правовой статус прокурора в уголовном судопроизводстве / Б.А. Тугутов. — EDN XOIGFY // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2019. — № 2(24). — С. 118–123.

8. Стуконог И.В. Полномочия прокурора по изъятию и передаче уголовных дел / И.В. Стуконог. — EDN OICHMM // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 21 апр. 2018 г. — Краснодар. — 2018. — С. 185–189.

9. Ерахтина Е.А. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: проблемы квалификации и расследования / Е.А. Ерахтина, В.А. Тирранен. — DOI 10.51980/2542-1735_2019_2_36. — EDN OQUXDQ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2019. — № 2. — С. 36–41.

10. Жмуров Д.В. Эра милосердия. Пути развития преступности / Д.В. Жмуров, А.А. Протасевич, А.С. Костромина. — DOI 10.17150/2411-6262.2019.10(2).18. — EDN BPRASG // Baikal Research Journal. — 2019. — Т. 10, № 2. — С. 18–18.

11. Дерюгин Р.А. Киберпреступность в России: современное состояние и актуальные проблемы / Р.А. Дерюгин. — EDN POSZYC // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2019. — № 2. — С. 46–49.

12. Логинова Н.Г. О недостатках законодательного регулирования порядка реализации решения о передаче по подследственности / Н.Г. Логинова. — EDN URVRBH // Вестник Белгородского юридического института МВД России. — 2018. — № 2. — С. 48–53.

References

1. Kovalevskaya N.V. Rules Abidance in Jurisdiction of Criminal Cases. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Vestnik of the Orenburg State University*, 2014, no. 3, pp. 24–28. (In Russian). EDN: SEWKCD.

2. Rossinskiy S.B. Investigative Jurisdiction of the Criminal Case: General Condition of the Preliminary Investigation or a Set of Organizational-Management Rules? *Gosudarstvo i pravo* = *State and Law*, 2023, no. 10, pp. 71–78. (In Russian). EDN: OPTYXP. DOI: 10.31857/S102694520025181-0.

3. Levchenko O.V. The Supremacy of the Prosecutor in the Criminal Procedure-legal Organization of Crime Counteraction. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* = *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2023, no 1, pp. 97–106. (In Russian). EDN: OLFFMC. DOI: 10.17150/2411-6122.2023.1.97-106.

4. Dikarev I.S. Jurisdiction in Criminal Proceeding: Issues of Theory and Legislative Regulation. *Zhurnal rossiyskogo prava* = *Russian Law Journal*, 2020, no. 4, pp. 113–125. (In Russian). EDN: TQSJSJ. DOI: 10.12737/jrl.2020.046.

5. Gritsenko D.V. Actual Problems of Determining the Jurisdiction of Criminal Cases by the Prosecutor. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* = *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2021, no. 4, pp. 103–109. (In Russian). EDN: OPVC-DY. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2021.4/3696.

6. Mitkova Yu. S. Functional Aspects of Prosecutor's Work during a Preliminary Investigation in the Form of Inquiry. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii* = *Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry*, 2017, no. 3(42), pp. 111–115. (In Russian). EDN: TBWHJB.

7. Tugutov B.A. The Constitutional Status of the Prosecutor in the Criminal Process. *Sibirskie UgolovnoProcessual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya* = *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2019, no. 2, pp. 118–123. (In Russian). EDN: SHOIGFI.

8. Stukonog I.V. The Powers of the Prosecutor to Remove and Redirect Criminal Cases. *Materials of International Scientific Conference, Krasnodar, April 21, 2018*. Krasnodar, 2018. pp. 185–189. (In Russian). EDN: OICHMM.

9. Erakhtina E.A., Tirranen V.A. Crimes Made with the Use of Artificial Intelligence: Problems of Qualification and Investigation. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Ros-sii* = *Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2019, no. 2, pp. 36–41. (In Russian). EDN: OQUXDQ DOI: 10.51980/2542-1735_2019_2_36.

10. Zhmurov D.V., Protasevich A.A., Kostromina A.S. The Era of Mercy. Ways of Criminality Development. *Baikal Research Journal*, 2019, vol. 10, no. 2, pp. 18–18. (In Russian). EDN: BPRASG. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(2).18.

11. Deryugin R.A. Cybercrime in Russia: Modern Condition and Actual Problems. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2019, no. 2, pp. 46–49. (In Russian). EDN: POSZYC.

12. Loginova N.G. On the Drawbacks of Legislative Regulation of the Procedure to Implement the Decision to Transfer to Another Jurisdiction. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina = Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, 2018, no. 2, pp. 48–53. (In Russian). EDN: URVRBKH.

Информация об авторе

Бадмаев Александр Сергеевич — аспирант, кафедра уголовного процесса и прокурорского надзора, Институт юстиции, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Author Information

Badmaev, Aleksandr S. — Ph.D. Student, Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision, Institute of Justice, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 30.04.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.05.2025

Принята к публикации / Accepted 19.09.2025

Дата онлайн-размещения / Available online 16.10.2025